

ВОИНСКИЕ КЕНОТАФЫ С КОПЬЯМИ ЭПОХИ БРОНЗЫ (по материалам «колесничных» культур)

Рассматриваются воинские кенотафы с копьями примерно одного хронологического горизонта (синташтинские, петровские, покровские, абашевские). Обращение к этому периоду обусловлено тем, что наиболее крупные изменения происходят в начале II тыс. до н.э., когда на историческую арену вышла колесничная аристократия. Наибольший интерес представляют кенотафы с копьями. Высказано предположение о том, что кенотафы с копьями не следует однозначно связывать со смертью людей. Возможно, они представляли собой огромные тайники, но не в понимании современного человека, а с точки зрения древних людей, которые их создавали не для того, чтобы сделать информацию недоступной, а стремились сохранить сведения в наиболее понятной для современников форме и в самых значимых местах. Такие тайники должны были обеспечить права племени на территорию и тем самым исключить притязания возможных соперников. В пользу этого предположения свидетельствует стремление древнего населения выделить на местности рассматриваемые курганы с кенотафами. Кроме того, эти кенотафы особым образом организовывали пространство самого ритуального комплекса. К тому же все кенотафы с копьями представляли собой ямы крупных размеров с мощным деревянным перекрытием, которое иногда имело достаточно сложную конструкцию. Опираясь на сведения античных источников, автор приходит к выводу, что находки копий в кенотафах также можно интерпретировать как демонстрацию прав на занятую территорию.

Ключевые слова: эпоха бронзы, синташтинский тип, петровский тип, покровский тип, абашевская культура, кенотаф, копье.

DOI: 10.14258/tpai(2017)2(18).-07

Кенотафы – не содержащие останков людей погребальные комплексы – были присущи многим культурным образованиям эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии. В данной статье рассматриваются воинские кенотафы с копьями примерно одного хронологического горизонта (синташтинские, петровские, покровские, абашевские). Обращение к этому периоду обусловлено тем, что наиболее крупные изменения происходят в начале II тыс. до н.э., когда на историческую арену вышла колесничная аристократия. В.С. Бочкарев [2010, с. 98] считает, что за счет мобилизации всех доступных ресурсов ей удастся создать мощный экономический и военный потенциал, сплотить население в этническом и религиозном отношении, построить монументальные крепости, гробницы, святилища.

Среди воинских кенотафов наибольший интерес представляют те, в составе инвентаря которых имеются копья. Копья – достаточно редкая находка в погребальных комплексах этого периода, как правило, указывающая на их неординарный характер. Н.М. Малов, рассматривая погребения покровской культуры с наконечниками копий, отмечает, что копья служили своеобразным знаком престижности военного дела и материальной ценности для мужской части архаичных «лидеров-героев» покровской культуры. Он приходит к выводу, что «наконечник копья – достаточно эффективное, престижно-ценное и дорогое, не только “военное”, но и “сакральное” оружие данной (покровской. – С.С.) культуры. Его первобытно-престижная значимость и ценность, как инсигнии “военной и духовной” власти, была здесь гораздо выше, чем у топора, булавы, трости, посоха и плети» [Малов, 2003, с. 200].

Археологическая характеристика кенотафов с копьями

Курган Халвай-3 (Костанайская область, Казахстан), погребения 1 и 9, синташтинский тип. Всего в кургане обнаружено 11 погребений. Из них пять – синташтинские, среди которых два кенотафа с копьями (№1 и 9). Синташтинские погребения относились к числу основных, располагались под насыпью кургана. Яма №1 находилась в южной разрушенной части кургана, имела прямоугольную форму, размеры $2,9 \times 2,3 \times 1,1$ м, ориентирована по линии ЮЗ–СВ. Над ямой находилось перекрытие из больших бревен. Под перекрытием в южном, северном и западном углах зафиксированы три сосуда. Кроме этого, в погребении найдены колчаный набор из 10 каменных наконечников стрел, бронзовый наконечник копья с остатками древка, два песта, топор-тесло с деревянной рукояткой и кожаной оплеткой. Дно и стенки были устланы корой. Костей человека не обнаружено. Яма №9 находилась в восточной части кургана, имела прямоугольную форму, размеры $3,2 \times 2,57 \times 3$ м, ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. Перекрытие из бревен березы и сосны было уложено поперек ямы. Между бревен зафиксирован камыш, которым связаны бревна и заткнуты щели перекрытия. Перекрытие поддерживалось четырьмя столбиками, попарно расположенными вдоль длинной оси ямы у восточной и западной стенок. На перекрытии в юго-западном углу обнаружен череп барана. Под перекрытием найдены два втульчатых бронзовых наконечника копья с деревянными обломанными древками, у западной стенки зафиксирована береста почти прямоугольной формы, в ней находилось восемь каменных наконечников стрел и человеческие зубы. В яме также обнаружены точильный камень, два песта, два бронзовых ножа, бронзовый топор и «колчаный набор» из трех бронзовых, девять каменных и три деревянных наконечников стрел, а также шесть сосудов. Дно и стены ямы облицованы корой [Логвин, Шевнина, 2011, с. 291–292].

Курганная группа «Близнецы» у с. Кумак (Соль-Илецкий район Оренбургской области, Южное Приуралье), погребение 6 курган №1, ранний (петровский) этап западноалакульской культурной группы, кулевчинская фаза (по В.В. Ткачеву). Погребение 6 кургана №1 представляло собой могильную яму размером $2,7 \times 1,65 \times 1,54$ м, ориентированную по линии З–В. Костяк человека отсутствовал. Восточная половина ямы была пуста, в западной части на дне сохранились остатки растительной подстилки, а также найден инвентарь. В северо-западном и юго-западном углах могилы стояли два больших сосуда. В меньшем из них (юго-западном) находился бронзовый наконечник копья с ребром, переходящим на литую втулку. В нижней части втулки имелись отверстие для прикрепления к древку и валик. Э.А. Федорова-Давыдова полагала, что копьё лежало вдоль южной стенки ямы, опираясь первоначально концом древка о дно могилы, а втулкой наконечника – о край сосуда. Во втулке сохранился обломок дерева. Там же, у южной стенки, найдено большое каменное лощило, а в центре западной части ямы – бронзовый нож ранней формы со слабо выраженными выемками по бокам [Федорова-Давыдова, 1960, с. 56–57].

В.В. Ткачев относит памятник к раннему (петровскому) этапу западноалакульской культурной группы, к ее поздней кулевчинской фазе. Он отмечает, что для памятников раннеалакульского (петровского) времени в Южном Приуралье характерно присутствие раннесрубного следа в их погребальном обряде и материальном комплексе [Ткачев, 2007, с. 321–338, 343, рис. 78].

Курганная группа близ г. Покровска (современный г. Энгельс, Нижнее Поволжье), курган №8, покровский тип (покровская АК). Курган №8 имел диаметр 2 м, высоту – 0,72 м. Могила размером 3,7 × 2,16 × 1,0 м, ориентированная по линии Ю–С, имела поперечное перекрытие из деревянных плах. В западной и северной частях ямы зафиксированы остатки столбов. На дне обнаружен сосуд, около которого далее к востоку лежали кости барана и ребра коровы, а рядом – колчаный набор из семи наконечников стрел, среди которых пять кремневых и два костяных, еще дальше к востоку лежал бронзовый наконечник копья длиной 21,3 см, с овально-ромбическим сечением стержня пера, втульчатый, с манжетой и ушком. Манжета узкая – 0,5–0,8 см, с литейным дефектом в виде небольшого разрыва. Рядом с копьем помещен бронзовый нож, который условно относится к типу без выделенного черенка, с зауженной пяткой и листовидным клинком. Костяк погребенного в могиле отсутствовал. По всей могиле заметна зола [Малов, 2003, с. 168–170].

Отнесение данного погребения к кенотафам не бесспорно. П.С. Рыков, исследовавший данный курган, полагал, что кости человека могли разложиться, так как большое ребро коровы было найдено почти совершенно истлевшим, а бронзовые вещи покрыты толстым слоем патины и накипи [Малов, 2003, с. 168]. Н.М. Малов [1989, с. 93] и В.А. Лопатин [2010, с. 167] считают, что погребение из кургана №8 являлось кенотафом.

Курган у Ивановского разъезда (Нижнее Поволжье), погребение 8, покровский тип (покровская АК). Одиночный курган располагался на высоком участке коренной волжской террасы на границе лесного и степного массивов. Погребение 8 (кенотаф) являлось основным в кургане, находилось в центре подкурганного пространства и было окружено кольцевым материковым выкидом. Погребение имело сложную деревянную конструкцию перекрытия со столбовыми опорами, продольными балками и имитацией двускатной кровли дома. Могильная яма размером 3,6 × 2,9 м, глубиной 2,06 м от 0R, а в материковом грунте 1,1 м, ориентирована по линии Ю–С. Кости человека не обнаружены. В северной половине ямы находились два сосуда. Под горшками зафиксированы незначительные остатки органической подстилки в виде розовато-серого волокнистого тлена (камыш?). На других участках из-за нарушения дна могилы норами подстилка прослеживалась небольшими, слабо заметными фрагментами. Между сосудами на 0,2 м севернее линии их размещения находился бронзовый двулезвийный нож с перекрестьем и ромбическим окончанием черенка. Около сосуда №2, опираясь лезвийной частью на его восточный край, острием на север лежал бронзовый наконечник копья. На его поверхности плотно «накипел» древесный тлен, что позволило В.А. Лопатину предположить, что копье было помещено в деревянный футляр, предохранявший заточенное лезвие от случайных повреждений. Копье имело литую втулку, листовидное перо и ромбическое сечение стержня. Нижний край втулки усилен манжетой, ширина которой составляет 1,5 см. В 1 см выше манжеты имеется округлое ушко. В полости втулки сохранилась часть древка. По мнению В.А. Лопатина, учитывая расстояние от наконечника копья до южной стенки, можно предположительно определить длину древка в 2–2,5 м. В одной из нор обнаружен короткий бронзовый крючок длиной 2,2 см, предположительно, наконечник стрела или посоха, возможно, в вотивном воплощении [Лопатин, 2010, с. 160–162, 164].

Курган №1 могильника Селезни-2. А.Д. Пряхин, Н.Б. Моисеев, В.И. Беседин [1998, с. 3] относят курган №1 к *доно-волжской* или *волго-донской* [Пряхин, 2000, с. 80–87] *абашевской культуре*. Курганная группа Селезни-2 – парная, располагалась

на левом берегу р. Челновая. Раскопанный курган №1 отличался более крупными размерами. Под центром насыпи, внутри ограниченного выкидами пространства, оказались четыре располагавшиеся попарно по линии 3–В могильные ямы и остатки девяти жертвенников. Во всех могилах отсутствуют костяки людей. Все четыре погребения образуют компактно расположенную группу с фиксируемой последовательностью совершения захоронений. Первоначально сооружены могилы-3 и 4, затем могилы-1 и 2, но хронологический разрыв между ними вряд ли был значительным – это подтверждается однотипностью встреченных в могилах вещей. Выкиды из всех погребений лежали на погребенной почве, что свидетельствует о возведении насыпи уже над всем комплексом погребений и жертвенников. Все могилы имели деревянные перекрытия. Копье происходило из могилы-3, размеры которой – 2,8 × 4,8 м, глубина – 1,3 м от уровня погребенной почвы. В западной стенке могильной ямы обнаружен воткнутый в нее почти на всю длину пера бронзовый цельнолитой наконечник копья. На полу могильной ямы найдены бронзовое обоюдоострое шило, жальце с притупленным краем, два вставных шипа от псалиев, разных по характеру изготовления и орнаментации, округлая костяная пряжка с центральным и двумя периферийными отверстиями, два астрагала, два треугольных кремневых наконечника стрел, два сосуда. У северо-восточного угла ямы, уже за ее пределами, на уровне погребенной почвы найдены маленький орнаментированный сосудик с двумя отверстиями для подвешивания, псалий с четырьмя вставными шипами и щитком правильной круглой формы (лицевая поверхность псалия и торцы шипов орнаментированы), каменное орудие. Помимо погребений в кургане выявлены остатки девяти жертвоприношений. Наибольший интерес представляют жертвоприношения №3, 4 и 5, которые выявлены по центральной оси кургана в направлении 3–В. Все они совершены примерно на уровне погребенной почвы. В каждом из них, судя по сохранившимся зубам, находилось по два черепа лошадей, возможно, и кости ног. Эти жертвоприношения как бы объединяли четыре погребения в одну систему. Всего же в жертвенниках обнаружены останки 12 особей лошадей [Пряхин, 2000, с. 82, 84–85; Пряхин, Моисеев, Беседин, 1998, с. 3–4, 14–18, 24–25].

Исследователи отмечают, что все погребения кургана №1 могильника Селезни-2 – престижные захоронения военной знати – колесничих, во всех обнаружены псалии, связанные с конской упряжью, а также бронзовые жальца, которые, вероятно, имели отношение к управлению лошадьё. Во всех погребениях присутствуют предметы вооружения: бронзовое копье (могила-3), ножи-кинжалы (могилы-1, 2, 4), наконечники стрел (во всех могилах). Престижным предметом является булава из мраморовидного известняка, относящаяся к разновидности грушевидных с бортиком (могила-1). В каждой паре захоронений присутствует по одному ритуальному, богато орнаментированному сосудику с четко выраженной календарной символикой. Высокому статусу соответствуют находки в погребениях альчилов кабана (могилы-1, 3, 4), клыков медведя и кабана в погребениях 1 и 2. Это, по мнению А.Д. Пряхина, по видимому, результат престижных охот – развлечение элиты. О наличии системы престижных жертвоприношений свидетельствует принесение в жертву 12 коней [Пряхин, 2000, с. 85; Пряхин, Моисеев, Беседин, 1998, с. 28–29].

Курган у с. Большая Плавица (Добринский район Липецкой области), погребение 2, покровско-абашевский круг памятников. Одиночный курган располагался на невысокой первой надпойменной террасе левого берега р. Плавицы. В кургане

10 погребений, из них четыре относятся к покровско-абашевскому кругу памятников. Погребение 2 (кенотаф) являлось основным в кургане, находилось в центре подкурганного пространства и было окружено четырьмя жертвенниками (№1–4). Могильная яма имела значительные размеры – 3,15 × 1,6 м, углублена в материк на 0,3–0,4 м, ориентирована по линии Ю–С. На уровне погребенной почвы прослежено поперечное перекрытие из плах толщиной до 0,2 м. Перекрытие было посыпано углями и мелом чересполосно с запада на восток (ширина полос – около 0,2 м). На перекрытии обнаружены два копыта и кость передней ноги лошади. В северо-западном углу перекрытия, непосредственно на фрагменте деревянной плахи, зафиксировано скопление красной охры, рядом с ним – сосуд №1. Точно под скоплением охры на перекрытии, в северо-западном углу могильной ямы, был устроен жертвенник в виде ямы диаметром 0,4 м и глубиной 0,1 м от уровня пола в северной части ямы. В заполнении жертвенника обнаружены части нижней челюсти и жаберные крышки крупной хищной рыбы (возможно, щуки). Могильная яма имела сложную конструкцию благодаря наличию ступеней в северной, центральной и юго-западной частях ямы. Ступень в центре ямы делила ее на две почти равные части – северную и южную. При этом южная часть располагалась ниже уровня северной на 0,15 м. На полу могилы в обеих частях зафиксированы остатки органической подстилки бледно-пурпурного цвета. На северной ступени стоял миниатюрный сосудик №2 с колоколовидным профилем, под венчиком – два отверстия. Вся его внутренняя поверхность была покрыта мелом. В северо-восточном углу располагался сосуд №3. В южной части могилы на остатках подстилки обнаружены костяная пряжка с одним большими отверстием в центре и двумя маленькими с краю. Южнее пряжки находились пять костяных вставных шипов от псалиев и костяное кольцо. Четыре шипа лежали отдельно от пятого, находившегося рядом с кольцом. Кольцо орнаментировано, вероятно, оно служило вставной втулкой в псалий с деревянным щитком. Два из пяти шипов значительно сработаны, три другие сохранили орнамент на торцах. По мнению Е.Н. Мельникова [2003, с. 239–241], в могилу положили старые и уже изрядно изношенные костяные вещи. Он считает, что перед нами двухкамерный склеп-кенотаф, в котором керамика помещена в северную часть, изделия из кости – в южную.

С погребением-кенотафом 2 связано четыре жертвенника. Жертвенник №1 находился в 1 м южнее погребения 2, прорезал могильный выкид из него, имел вид ямы ступенчатой конструкции. В древности он был перекрыт деревянными плашками, на которые положили череп коня и три астрагала между двумя его передними ногами. Восточнее костей в это перекрытие было воткнуто копьё с бронзовым наконечником. Наконечник литой, имеет манжету внизу втулки и ушко. Восточная часть перекрытия жертвенника рядом с копьём была посыпана углями, а внизу, в самой глубокой части ямы, вероятно, горел небольшой костер (угли, включения пепла и золы, незначительные фрагменты кальцинированных костей). Жертвенник №2 находился в 2 м к северо-востоку от погребения 2. Представлял собой отдельные части туши кабана, уложенные на деревянную основу. Рядом и поверх костей кабана были насыпаны угли. Жертвенник №3 находился в 6 м к западу от погребения 2, содержал череп жеребца без нижней челюсти. Жертвенник №4 находился в 2 м к северо-западу от погребения 2. Создан с уровня погребенной почвы. Круглая в плане яма диаметром около 1 м и глубиной до 0,6 м в материке имела деревянное перекрытие. В заполнении ямы встречены угли,

небольшие кальцинированные кости, лопатка крупного животного. Этот жертвенник устроен до создания погребения 2. Кроме того, в 1,5 м к западу от погребения на древней почве стояла нижняя часть сосуда №4, внутри которого найдены отдельные угольки и зола [Мельников, 2003, с. 241, 244].

Е.Н. Мельников отмечает определенное сходство материалов погребения 2 из кургана у с. Большая Плавица с материалами кургана №1 Селезни-2. Это орнамент, нанесенный на сосуд №1, находившийся на перекрытии, тип наконечника копья, кожаная пряжка, орнамент на торцах псалиев [Мельников, 2003, с. 245–246].

Хотелось бы отметить более существенное сходство с курганом №1 Селезни-2, а именно своеобразное сочетание кенотафов и жертвенников, представляющих единую композицию: четыре ямы и девять жертвенников в кургане Селезни-2, одна яма и четыре жертвенника в кургане у с. Большая Плавица. Несмотря на то, что копье из кургана у с. Большая Плавица происходило не из самого кенотафа, а из связанного с ним жертвенника, эту вещь, безусловно, надо рассматривать в рамках всего ритуального комплекса. Более того, как в кургане №1 Селезни-2, так и в кургане у с. Большая Плавица копья находились в аналогичном положении: воткнутое в стенку могилы (Селезни-2) или в перекрытие жертвенной ямы (Большая Плавица).

Интерпретация кенотафов с копьями

Наиболее распространен следующий подход к определению кенотафов рассматриваемого периода. Кенотафы – привилегия знати, в них часто встречаются находки оружия, что позволяет предполагать «военный характер этого времени и связанные с ним значительные людские потери. В сражениях воины нередко пропадают бесследно, но нельзя не воздать герою погребальные почести, поскольку только в этой обрядности умерший может получить возможность перехода из мира живых в мир мертвых для воссоединения с предками и встречи с богами. Это, пожалуй, основная предпосылка такого явления, как кенотаф – символическое погребение без останков умершего» [Лопатин, 2010, с. 164].

Таким образом, к кенотафам традиционно относят не содержащие останков людей погребальные комплексы, соответственно, они автоматически включаются в состав погребений. Вместе с тем в последнее время наметились и другие подходы к интерпретации кенотафов. Так, М.В. Андреева, рассматривая кенотафы восточноманьчжской катакомбной культуры, вообще ставит под сомнение связь между созданием кенотафов и смертью людей, тем более смертью, носящей экстраординарный характер. Она акцентирует внимание на более ярко выраженную по сравнению с погребениями жертвоприносительную функцию кенотафов. М.В. Андреева приходит к выводу, что «...квазимогильное сооружение и содержащиеся в нем приношения направлялись похороненным в кургане (и в целом – в могильнике) предкам/сородичам. Изоморфность реальным погребениям, равно как и практика досыпок насыпи в связи с созданием кенотафов и более того – возведение новых насыпей над основными кенотафами, подчеркивают заместительный характер данной жертвы, приносимой мертвым за живых» [Андреева, 2008, с. 305–306]. Рассматривая неординарный по составу и количеству инвентаря кенотаф из могильника Хар Зуха-I восточноманьчжской катакомбной культуры, М.А. Очир-Горяева и М.В. Андреева [2016, с. 355–372] также отмечают наличие в нем следов жертвоприносительных действий, но совершавшихся в адрес божества или богов.

С определенной долей осторожности можно высказать предположение о том, что кенотафы с копьями также не следует однозначно связывать со смертью людей. Возможно, они представляли собой огромные тайники, но не в понимании современного человека, а с точки зрения древних людей: «...древние люди создавали тайники отнюдь не для того, чтобы сделать информацию недоступной и закодированной. Они стремились сохранить ее в самых “верных” местах и в наиболее доступной для понимания своих современников форме, поскольку информация должна была обеспечить права племени на территорию и тем самым исключить притязания возможных конкурентов. Теперь же оказывается, что нам нужно... расшифровать предложенную систему знаков, и ...правильно ее интерпретировать» [Ершова, 2007, с. 350].

В пользу этого заключения свидетельствует стремление древнего населения выделить на местности рассматриваемые курганы с кенотафами. Так, курганный комплекс Селезни-2 – парная, располагалась на левом берегу р. Челновая. Раскопанный курган №1 отличался более крупными размерами. Курган у Ивановского разъезда – одиночный, располагался на высоком участке коренной волжской террасы на границе лесного и степного массивов. Курган у с. Большая Плавица – одиночный, располагался на невысокой первой надпойменной террасе левого берега р. Плавицы.

Кроме того, кенотафы особым образом организовывали пространство самого ритуального комплекса. В Селезни-2 – это четыре располагавшиеся попарно по линии З–В кенотафа под центром насыпи, внутри ограниченного выкидами пространства, и девять особым образом расположенных жертвенников. В кургане у с. Большая Плавица кенотаф являлся основным в кургане, находился в центре подкурганного пространства и был окружен четырьмя жертвенниками. В кургане у Ивановского разъезда – кенотаф с копьем являлся основным, он находился в центре подкурганного пространства и был окружен кольцевым материковым выкидом. В кургане Халвай-3 было два кенотафа с копьями, они относились к числу основных погребений в кургане, над которыми возведена насыпь.

Все кенотафы с копьями представляли собой ямы крупных размеров с мощным деревянным перекрытием, иногда достаточно сложным, со столбовыми конструкциями, а в кургане у Ивановского разъезда с имитацией двускатной кровли дома. В кургане у с. Большая Плавица кенотаф имел поперечное перекрытие из плах толщиной до 0,2 м, перекрытие было посыпано углями и мелом чересполосно с запада на восток (ширина полос – около 0,2 м). Восточная часть перекрытия жертвенника рядом с копьем была посыпана углями, В могиле-9 кургана Халвай-3 между бревен зафиксирован камыш, которым были связаны бревна и заткнуты щели перекрытия. Таким образом, прослеживается тенденция, с одной стороны, создать монументальный комплекс, а с другой – надежно «запечатать» в нем определенную информацию.

Находки копий в кенотафах также можно интерпретировать как демонстрацию прав на занимаемую территорию. Символично само расположение этого оружия в некоторых кенотафах. В погребении 3 кургана №1 могильника Селезни-2 «в западной стенке могильной ямы обнаружен воткнутый в нее почти на всю длину пера бронзовый цельнолитой наконечник копья с ромбическим стержнем, боковым ушком и манжетой на втулке» [Пряхин, Моисеев, Беседин, 1998, с. 17]. В кургане у с. Большая Плавица копье с бронзовым наконечником был воткнуто в перекрытие жертвенника. Наконечник копья литой, имел манжету внизу втулки и боковое ушко.

Сохранилось свидетельство Диодора (XVII, 17), правда, относящееся к более позднему времени, где копье выступало как символ власти над территорией. В начале Восточного похода (334 г. до н.э.) Александр Македонский, подплывая к азиатскому берегу, метнул копье в материк, который предстояло завоевать. Древний историк пишет об этом так: «Сам он, подойдя к берегам Трояды с шестьюдесятью военными кораблями, первым из македонян метнул с корабля копье, которое вонзилось в землю, спрыгнул на берег сам и воскликнул, что принимает Азию от богов как добычу, завоеванную копьем» (цит. по: [Фролов, 2012, с. 62–63]). Э.Д. Фролов [2012, с. 62] интерпретирует эти действия, как «несомненно хорошо продуманный жест Александра Македонского», но нельзя исключать предположения, что это отголосок достаточно древнего ритуала, связанного с утверждением прав на занимаемую или завоеванную территорию.

Определенную аналогию подобным действиям с копьем, по-видимому, представляют материалы кургана, исследованного на могильнике Нураталды-1 в Центральном Казахстане, который отнесен исследователями к нуртайской (петровской) культуре (1-я четверть II тыс. до н.э.). Под курганной насыпью была зафиксирована четырехугольная ограда из плит, установленных на ребро. Внутри ограды – одно взрослое и три детских погребения, центральную часть занимали погребение взрослого в очень крупном каменном ящике и одно детское, принадлежавшее мальчику. Между этими двумя центральными погребениями находилось парное захоронение лошадей, уложенных головами на запад. В том кургане также обнаружен жертвенный комплекс или клад бронзовых изделий в виде компактно сгруппированного набора втульчатых наконечников копья и дротика и трех двулезвийных ножей срубно-андроновского типа, воткнутых остриями в землю. И.А. Кукушкин и В.Г. Ломан [2014, с. 585–586] видят аналогии подобным действиям с бронзовым оружием в обрядовых традициях сейминско-турбинского населения Западной Сибири. К сожалению, не уточняется конкретное местонахождение комплекса бронзовых изделий в кургане ни в стратиграфическом отношении (насыпь кургана, уровень погребенной почвы – ?), ни в планиграфическом. Но, как отмечают исследователи, «все материалы были зафиксированы в закрытом археологическом комплексе». Кроме того, представляет интерес положение, что материалы нураталдинского кургана «существенно расширяют границы нуртайской колесничной культуры в южном направлении» [Кукушкин, Ломан, 2014, с. 586]. Безусловно, нет оснований считать уникальный набор бронзовых изделий, обращенных острием к земле, кенотафом. Но он с определенной долей вероятности может быть интерпретирован как вариант «тайника», связанного с символической демонстрацией прав на территорию, тем более, что в его состав входит втульчатый наконечник копья, а сам курган находится на южной границе нуртайской колесничной культуры. Количество оружия в составе жертвенного комплекса, а также, возможно, парное захоронение лошадей в кургане, могли символизировать не только права на территорию, но и дополнительно демонстрировать военное могущество населения, создавшего данный ритуальный комплекс.

Вероятно, копье, не только вонзенное в стену ямы, в землю или в деревянное перекрытие, но и помещенное в обширную яму-кенотаф, также являлось символическим утверждением прав на территорию. Об особом отношении к этому оружию свидетельствуют материалы кургана у Ивановского разъезда, где бронзовый наконечник копья

находился в деревянном футляре. В двух случаях реконструируется ситуация, когда наконечник копья опирался о край сосуда, а древком, вероятно, о дно или противоположную стенку ямы (Близнецы; курган у Ивановского разъезда). Сохранившиеся остатки древков также свидетельствуют о том, что в кенотаф-«тайник» помещался не просто наконечник копья, а все оружие целиком, что, вероятно, являлось демонстрацией его боевых качеств. Кроме того, наконечники копий из Покровского кургана, из кургана у Ивановского разъезда, из кургана №1 Селезни-2, из кургана у с. Большая Плавица были снабжены ушком. Как убедительно показал В.С. Бочкарев, ушки наконечников копий не имели утилитарного значения, а предназначались для крепления различного рода подвесок. Благодаря подвесным регалиям копье приобретало особый статус и важное символическое значение [Бочкарев, 2010, с. 140–142]. Таким образом, в определенном отношении можно говорить о «сакрализации» копья как символа прав на завоеванную территорию.

Сооружение кенотафов, связанных с символическим утверждением прав на территорию, вероятно, сопровождалось достаточно сложными ритуалами, связанными с состязанием воинов в метании копья, стрельбе из лука, т.е. опять же демонстрацией воинами своего мастерства. Это подтверждается как находками копий, так и обнаружением наконечников стрел в рассмотренных выше кенотафах. Присутствие в кенотафе из Большой Плавицы пяти костяных вставных шипов (из них три сохранили орнамент на торцах) и орнаментированного костяного кольца от псалиев, наличие в каждом кенотафе из кургана №1 могильника Селезни-2 псалиев со сложным, вероятно, солярным орнаментом могут свидетельствовать не только о конных состязаниях, но, возможно, о парадных выездах на колесницах. В отличие от синташтинских захоронений колесничих в селезневском и большеплавицком кенотафах отсутствуют углубления для установки колес, которые собственно и символизировали саму колесницу. Однако, как отмечают А.В. Епимахов и И.В. Чечушков [2008, с. 483], «несмотря на отсутствие находок повозок, нет никаких сомнений в знакомстве местного (абашевского. – С.С.) населения с колесницей, что прямо подтверждается находками псалиев со следами сработанности...». Как свидетельствуют материалы таких памятников, как Селезни-2 и Большая Плавица, во время отправления подобных обрядов или празднеств имели место жертвоприношения лошадей, ритуальная охота на кабана (жертвенник №3 из Большой Плавицы) или других диких животных, ритуальная игра в кости с использованием альчиков кабана (Селезни-2).

В комплексах Селезни-2 и Халвай-3 присутствуют изделия, которые могут свидетельствовать еще об одном значимом моменте таких празднеств. В двух синташтинских кенотафах с копьями из кургана Халвай-3 содержалось по два каменных песта в каждом. Подобная традиция характерна прежде всего для захоронений воинов-колесничих в памятниках синташтинского типа, входящих в Синташтинский комплекс, где в могилах широко представлены «давяльные камни» для приготовления священного напитка наподобие индийского Сомы [Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992]. Согласно «Ригведе» именно напиток Сомы обеспечивал воинам победу в колесничих состязаниях и, возможно, в реальных военных действиях. Во всех четырех кенотафах могильника Селезни-2 присутствуют достаточно однотипные каменные орудия, но они определяются исследователями как кузнечные орудия труда, свидетельствующие «о наделении захороненных сакральными производственными функциями, реализуе-

мыми через идею “кузнеца”» [Пряхин, 2000, с. 85]. С этим выводом сложно согласиться. Следует учитывать факт нахождения каменных изделий в могильнике Селезни-2 в комплексах с колесничной атрибутикой. Следовательно, в рамках ритуала они также могли использоваться в качестве «давящих камней» для приготовления священного напитка. Употребление священного напитка, дающего прилив физических сил, могло быть частью субкультуры воинов-колесничих, которые, возможно, были не только его потребителями, но и изготовителями. Синташтинские памятники и селезневский ритуальный комплекс отражают, вероятно, раннюю стадию развития культа, когда приготовлением напитка занимались сами воины, тогда как в «Ригведе» эта роль отводится уже жрецам [Сотникова, 2016, с. 174–175].

Обращает на себя внимание еще одна своеобразная черта кенотафов с копьями. Все они содержат свидетельства контактов с другими, в основном «колесничными» культурами. А.В. Логвин и И.В. Шевнина отмечают явные абашевские параллели в материалах синташтинских погребений кургана Халвай-3. В том числе абашевской чертой они считают отсутствие костяков в погребениях 1 и 9. Орнаментация сосудов из этих кенотафов имеет аналогии в уральской абашевской культуре. Бронзовый вислообушный топор из погребения 9 имеет сильно скошенную верхнюю грань обуха и четкий перегиб в профиле, отделяющий обушную часть от клинка, что характерно для традиционного абашевского типа топоров. Бронзовый наконечник копья из погребения 1 имеет короткое треугольное перо, ромбическое сечение ребра жесткости, разомкнутую втулку. Исследователи относят данный наконечник к разряду КД-2 по классификации Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, основные технологические типологические параллели которого могут восходить к металлопроизводству абашевского типа. Два литых наконечника из ямы №9, по их мнению, относятся к турбинским литым копьям [Логвин, Шевнина, 2011, с. 293]. Таким образом, в кургане Халвай-3 следы межкультурных взаимодействий представлены прежде всего в материалах кенотафов. В кенотафе с копьем из Покровска обнаружен сосуд с признаками абашевской керамической традиции [Малов, 2003, с. 169]. Обращаясь к материалам могильника Селезни-2, Н.М. Малов отмечает, что сосуды из погребения 3 кургана №1 (кенотаф с копьем) разнокультурные. Один из них не типичен для абашевских памятников, но близок по форме и технологии к сосуду из покровско-срубного погребения 6 Чардымского кургана №1. Дисковидная костяная пряжка с центральным и двумя периферийными отверстиями, также происходящая из этого погребения, относится к типу, характерному для покровских памятников. Кроме того, один из сосудов погребения 1 кургана №1 данного могильника он относит к покровскому типу и отмечает, что «по морфологическим признакам эти покровские сосуды индивидуальной формы сходны не с абашевской, а с некоторой синташтинской и потаповской острореберной керамикой [Малов, 2014, с. 209–210]. Е.Н. Мельников [2003, с. 245–246] отмечает наличие в покровско-абашевских материалах погребения 2 (кенотаф) из кургана у с. Большая Пластица влияние традиций финального этапа среднедонской катакомбной и воронежской культур.

Представляется, что зафиксированные в рассматриваемых кенотафах следы контактов являются отражением определенной традиции, выработанной «колесничными» культурами. В.С. Бочкарев [2010, с. 52–53] считает возможным говорить о «культурном космополитизме» колесничной аристократии того периода, элементы которого заметны в богатых погребениях и на отдельных предметах. Синташтинские, петровские,

покровские, абашевские, покровско-абашевские кенотафы с копьями демонстрируют заметную однотипность, что обусловлено, по-видимому, не только их хронологической близостью, но и тем, что в этот беспокойный, насыщенный военными столкновениями период военной знатью были выработаны общие традиции символического утверждения или демонстрации прав на занимаемую территорию. Ярким проявлением этой традиций являлось сооружение в наиболее «верных» местах кенотафов-«тайников», в составе которых, наряду с другим оружием, присутствовали бронзовые наконечники копий.

Библиографический список

Андреева М.В. Кенотафы восточноманьчжурской катакомбной культуры как погребально-жертвенные комплексы // Археология Кавказа и Ближнего Востока : сборник к 80-летию Р.М. Мунчаева. М. : Таус, 2008. С. 298–306.

Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб. : Инфо Ол, 2010. 231 с.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. Ч. 1. 408 с.

Епимахов А.В., Чечушков И.В. «Горизонт колесничных культур» Северной Евразии: поэтическая метафора и историческое содержание // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI. М. ; Магнитогорск ; Новосибирск : ООО «Аналитик», 2008. С. 480–500.

Ершова Г.Г. Древняя Америка: полет во времени и пространстве. Мезоамерика. М. : Культурный центр «Новый Акрополь», 2007. 392 с.

Кукушкин И.А., Ломан В.Г. Краткие итоги исследований элитных курганов эпохи бронзы Центрального Казахстана // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань : Отечество, 2014. Т. 1. С. 584–587.

Логвин А.В., Шевнина И.В. Курган Халвай 3 (предварительное сообщение) // Маргулановские чтения – 2011 : материалы Междунар. археол. конф. (Астана, 20–22 апреля 2011 г.). Астана : ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. С. 291–296.

Лопатин В.А. Курган у Ивановского разъезда // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам исследований 2005–2006 гг.). Саратов : Научная книга, 2010. С. 156–174.

Малов Н.М. Погребальные памятники покровского типа в Нижнем Поволжье // Археология восточно-европейской степи. Вып. 1. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1989. С. 82–101.

Малов Н.М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5. Саратов : Научная книга, 2003. С. 157–219.

Малов Н.М. Необычное парное погребение из Покровского кургана №35 начала эпохи поздней бронзы: по материалам раскопок П.С. Рыкова // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях : сб. памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 205–212.

Мельников Е.Н. Покровско-абашевские погребения кургана у с. Большая Пластица // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие : материалы Междунар. науч. конф. Чебоксары : Чувашский гос. ин-т гуманитар. наук, 2003. С. 239–247.

Очир-Горяева М.А., Андреева М.В. Кенотаф позднекатакомбного времени из могильника Хар Зуха-1 в Калмыкии // Краткие сообщения Института археологии. 2016. Вып. 244. С. 355–372.

Пряхин А.Д. К оценке престижных захоронений волго-донской абашевской культуры кургана Селезни-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №1. С. 80–87.

Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. Воронеж : ВГУ, 1998. 44 с.

Сотникова С.В. Погребальные памятники синташтинского и андроновского населения как источник по реконструкции ритуалов и представлений. Омск : Изд. дом «Наука», 2016. 290 с.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе : Актюбинский областной центр истории, этнографии, археологии, 2007. 384 с.

Федорова-Давыдова Э.А. Андроновское погребение XV–XIII вв. до н.э. (К вопросу о периодизации андроновской культуры) // Труды ГИМ. Вып. 37. М., 1960. С. 56–59.

Фролов Э.Д. Копье как орудие и символ знатности у древних греков // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 11. СПб. : СПбГУ, 2012. С. 57–64.

S.V. Sotnikova

WARRIOR CENOTAPHS WITH SPEARS OF THE BRONZE AGE (on the Materials of “Chariot” Cultures)

The article considers military cenotaphs with spears of approximately one chronological horizon (Sintashta, Petrovsky, Pokrovsky, Abashevskie). The appeal to this period is due to the fact that the biggest changes occur here in the beginning of the 2nd millennium BC, when the chariot aristocracy entered the historical arena. The greatest interest is paid to cenotaphs with spears. It is suggested that cenotaphs with spears should not be unambiguously associated with the death of people. Perhaps they were huge hiding places, not in the understanding of modern man, but from the point of view of the ancient people who created them not to make information inaccessible, but to preserve information in the most understandable form for contemporaries and in the most significant places. Such hiding places were supposed to ensure the rights of the tribe to the territory and thereby exclude the claims of possible rivals. This assumption is supported by the desire of the ancient population to mark on the area the burial mounds with cenotaphs. Besides, these cenotaphs in a special way organized the space of the ritual complex itself. In addition, all the cenotaphs with spears were large pits with strong wooden ceiling, which sometimes had a rather complex design. Based on the information of ancient sources, the author comes to the conclusion that the finds of copies in the cenotaphs can also be interpreted as demonstrating the rights to occupied territory.

Key words: Bronze Age, Sintashta type, Petrine type, Pokrovsky type, Abashev culture, cenotaph, spear.

References

Andreeva M.V. Kenotafy vostochnomanychskoy katakombnoy kul'tury kak pogrebal'no-zhertvennye komplekсы [The Cenotaphs of the East Manych Catacomb Culture as Funeral and Sacrificial Complexes]. *Arkheologiya Kavkaza i Blizhnego Vostoka: sbornik k 80-letiyu R.M. Munchaeva* [Archaeology of the Caucasus and the Middle East: a Collection for the 80th anniversary of R.M. Munchaev]. М. : Taus, 2008. Pp. 298–306.

Bochkarev V.S. Kul'turogenез i drevnee metalloproizvodstvo Vostochnoy Evropy [Culturogenesis and the Ancient Metal Production of Eastern Europe]. SPb. : Info Ol, 2010. 231 p.

Gening V.F., Zdanovich G.B., Gening V.V. Sintashta: Arkheologicheskie pamyatniki ariyskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepey [Sintashta: Archaeological Monuments of Aryan Tribes of Ural-Kazakhstan Steppes. Chelyabinsk : Yuzh.-Ural. kn. izd-vo, 1992. Ch. 1. 408 p.

Epimakhov A.V., Chechushkov I.V. “Gorizont kolesnichnykh kul'tur” Severnoy Evrazii: poeticheskaya metafora i istoricheskoe sodержanie [“Horizon of Chariot Crops” of Northern Eurasia: Poetic Metaphor and Historical Content]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. Vyp. XXI [Problems of History, Philology, Culture. Issue XXI]. М. ; Magnitogorsk ; Novosibirsk : OOO “Analitik”, 2008. Pp. 480–500.

Ershova G.G. Drevnyaya Amerika: polet vo vremeni i prostranstve. Mezoamerika [Ancient America: Flight in Time and Space. Mesoamerica]. М. : Kul'turnyy tsentr “Novyy Akropol”, 2007. 392 p.

Kukushkin I.A., Loman V.G. Kratkie itogi issledovaniy elitnykh kurganov epokhi bronzy Tsentral'nogo Kazakhstana [Brief Results of Studies of Elite Barrows of the Bronze Age of Central Kazakhstan]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan]. Kazan' : Otechestvo, 2014. Vol. 1. Pp. 584–587.

Logvin A.V., Shevnina I.V. Kurgan Khalvay 3 (predvaritel'noe soobshchenie [Kurgan Halvay 3 (Preliminary Report)]. *Margulanov Readings – 2011: Materials of the International. Archaeologist. Conf.* (Astana, April 20–22, 2011)]. Astana : ENU im. L.N. Gumileva, 2011. Pp. 291–296.

Lopatin V.A. Kurgan u Ivanovskogo raz'ezda [Kurgan at the Ivanovo Passage]. *Arkheologicheskie pamyatniki Saratovskogo Pravoberezh'ya: ot ranney bronzy do srednevekov'ya* (po materialam issle-

dovaniy 2005–2006 gg.) [Archaeological Monuments of the Saratov Right Bank: from the Early Bronze Age to the Middle Ages (Based on the 2005-2006 Research Materials)]. Saratov : Nauchnaya kniga, 2010. Pp. 156–174.

Malov N.M. Pogrebal'nye pamyatniki pokrovskogo tipa v Nizhnem Povolzh'e [Funeral Monuments of the Pokrovsky Type in the Lower Volga Region]. Arkheologiya vostochno-evropeyskoy stepi [Archaeology of Eastern European steppe]. Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 1989. Issue 1. Pp. 82–101.

Malov N.M. Pogrebeniya pokrovskoy kul'tury s nakonechnikami kopiy iz Saratovskogo Povolzh'ya [Burials of the Pokrovsky Culture with Spearheads from the Saratov Volga Region]. Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya. Okhrana i issledovaniya v 2001 godu [Archaeological Heritage of the Saratov Region. Protection and Research in 2001]. Saratov : Nauchnaya kniga, 2003. Issue 5. Pp. 157–219

Malov N.M. Neobychnoe parnoe pogrebenie iz Pokrovskogo kurgana №35 nachala epokhi pozdney bronzy: po materialam raskopok P.S. Rykova [An Unusual Pair Burial from Pokrovsky Barrow No. 35 of the Beginning of the Late Bronze Age: Based on the Excavations by P.S. Rykov]. Aarii stepey Evrazii: epokha bronzy i rannego zheleza v stepyakh Evrazii i na sopredel'nykh territoriyakh : sb. pamyati E.E. Kuz'minoy [Aria of the Eurasian Steppes: the Era of Bronze and Early Iron in the Steppes of Eurasia and Adjacent Territories: Collection in Memory of E.E. Kuzmina]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2014. Pp. 205–212.

Mel'nikov E.N. Pokrovsko-abashevskie pogrebeniya kurgana u s. Bol'shaya Plavitsa [Pokrovsko-Abashevo Burial Mound near the Bolshaya Plavitsa Village]. Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost': istoki, razvitie, nasledie : materialy Mezhdunar. nauch. konf. Cheboksary : Chuvashskiy gos. in-t gumanit. Nauk [Abashevskaya Cultural and Historical Community: Origins, Development, Heritage: Materials of the Intern. Scientific Conference in Cheboksary: Chuvash State. Institute of Humanitarian Science]. 2003. Pp. 239–247.

Ochir-Goryaeva M.A., Andreeva M.V. Kenotaf pozdnekatakombnogo vremeni iz mogil'nika Khar Zukha I v Kalmykii [Cenotaph of Late Catacombs Time from the Har Zuch-I Cemetery in Kalmykia]. Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]. 2016. Issue 244. Pp. 355–372.

Pryakhin A.D. K otsenke prestizhnykh zakhoroneniyy volgo-donskoy abashevskoy kul'tury kurgana Selezni-2 [To the Estimation of Prestigious Graves of the Volga-Don Abashev Culture of the Selezny-2 Mound]. Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2000. №1. Pp. 80–87.

Pryakhin A.D., Moiseev N.B., Besedin V.I. Selezni-2. Kurgan dono-volzhskey abashevskoy kul'tury [Drake-2. The Mound of the Don-Volga Abashev Culture]. Voronezh : VGU, 1998. 44 p.

Sotnikova S.V. Pogrebal'nye pamyatniki sintashtinskogo i andronovskogo naseleniya kak istochnik po rekonstruktsii ritualov i predstavleniy [Funeral Monuments of the Sintashta and Andronovo Population as a Source for the Reconstruction of Rituals and Representations]. Omsk : Izd. dom "Nauka", 2016. 290 p.

Tkachev V.V. Step'i Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epokh sredney i pozdney bronzy [Steppes of the Southern Urals and Western Kazakhstan at the Turn of the Middle and Late Bronze Age]. Aktobe : Aktyubinskiy oblastnoy tsentr istorii, etnografii, arkheologii, 2007. 384 p.

Fedorova-Davydova E.A. Andronovskoe pogrebenie XV–XIII vv. do n.e. (K voprosu o periodizatsii andronovskoy kul'tury) [Andronovo Burial of the 15th–13th Centuries. BC (On the Question of the Periodization of the Andronovo Culture)]. Trudy GIM. M., 1960. Vyp. 37 [Proceedings of the GIM. Issue 37]. Pp. 56–59.

Frolov E.D. Kop'e kak orudie i simvol znatnosti u drevnikh grekov [Spear as a Weapon and Symbol of Nobility of the Ancient Greeks]. Mnemon: Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira [Mnemon: Studies and Publications on the History of the Ancient World]. SPb. : SPbGU, 2012. Issue 11. Pp. 57–64.